

Людмила Николаевна Славина

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия

200146@mail.ru

**«ТИХАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ИЛИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЗИМА»?
К ВОПРОСУ О СТАРЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ**

Цель исследования – выявление общих закономерностей и особенностей в процессе старения сельского населения края и в его факторах, оценка его результатов. Задачи: реконструкция и анализ динамики возрастной структуры сельского населения в советское и постсоветское время, масштабы и темпы изменений ее основных компонентов. Впервые изучается проблема старения населения Сибири на примере сельского населения Красноярского края. Информационную базу работы составляют семь последних всеобщих переписей населения и текущая государственная статистика, основу методологии исследования составляет теория демографической модернизации. Старение населения рассматривается как неотъемлемая часть его перехода к современному типу естественного воспроизводства, как глобальное и необратимое явление современности. Все процессы и события рассмотрены в сравнении с аналогичными в сельской местности России в целом. Территориальные рамки работы включают Красноярский край в современных границах, хронологические – 1959–2023 гг. Основное внимание уделено анализу перемен в поколениях в возрасте 60 лет и старше. Оцениваются их демографические качества в разное время. Выясняется, как изменилось пожилое население деревень края за постсоветское 30-летие, чем оно отличается от сельских «стариков» России в целом. Показано, что при росте втрое удельного веса пожилого контингента в деревнях края качественных демографических перемен в нем практически нет. Абсолютное большинство его составляют «молодые старики», их доля стабильна все время, «углубления» демографического старения не происходит, пожилые умирают рано, как в конце 1950-х гг. Доля лиц в возрасте 80+ населения деревни выросла с 1,1 до 3,0 %, что очень мало. Делается вывод, что процесс старения выступает в красноярских деревнях базовым фактором «демографической зимы».

Ключевые слова: демографический переход, демографическое старение, возрастная структура населения, старшее поколение, «демографическая зима»

Для цитирования: Славина Л.Н. «Тихая революция» или «Демографическая зима»? К вопросу о старении современной сибирской деревни // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2026. № 1. С. 238–249. DOI: 10.36718/2500-1825-2026-1-238-249.

Lyudmila Nikolaevna Slavina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

200146@mail.ru

«SILENT REVOLUTION» OR «DEMOGRAPHIC WINTER»?
ON THE AGING OF THE MODERN SIBERIAN VILLAGE

The aim of the study is to identify general patterns and characteristics in the aging process of the Krai's rural population and its factors, as well as to evaluate its results. This is the first study to examine the problem of Siberia's population aging using the rural population of Krasnoyarsk Krai as a case study. The study draws on the seven most recent general population censuses and current government statistics, while the research methodology is based on the theory of demographic modernization. Population aging is viewed as an integral part of its transition to a modern type of natural reproduction, as a global and irreversible modern phenomenon. All processes and events are compared with similar ones in rural areas of Russia as a whole. The study covers the current territorial boundaries of Krasnoyarsk Krai, and the chronological period from 1959 to 2023. The objectives are to reconstruct and analyze the dynamics of the rural population's age structure in the Soviet and post-Soviet periods, as well as the scale and rate of change in its main components. The primary focus is on analyzing changes in generations aged 60 and older, and assessing their demographic characteristics at different times. The study examines how the elderly population of the region's villages has changed over the 30 years since the Soviet era, and how it differs from the rural "elderly" of Russia as a whole. It shows that, while the proportion of the elderly in the region's villages has tripled, there have been virtually no qualitative demographic changes. The vast majority of the elderly are "young old," their proportion has remained stable over time, there is no "deepening" of demographic aging, and the elderly are dying early, as in the late 1950s. The proportion of people aged 80+ in the village population has increased from 1.1% to 3.0%, a very small increase. It is concluded that the aging process is the underlying factor behind the "demographic winter" in Krasnoyarsk villages.

Keywords: demographic transition, demographic aging, population age structure, older generation, "demographic winter"

For citation: Slavina L.N. «Silent revolution» or «Demographic winter»? On the aging of the modern siberian village // Socio-economic and humanitarian journal. 2026. № 1. P. 238–249. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2026-1-238-249.

Введение. Острейшая проблема современности – демографическая. Интерес к ней в обществе и науке растет не одно десятилетие. Обсуждаются в основном рождаемость, смертность, естественный прирост и изменение численности населения разных территорий, т. е. количественная сторона процесса его воспроизводства. Но очень редко в отечественной литературе анализируется качественная сторона процесса – радикальное изменение соотношения основных возрастных групп в населении (детей, лиц рабочих возрастов и пожилых) и его «демографическое старение», т. е. устойчивый абсолютный и относительный рост численности старших поколений [1–6]. Оценки этого события

разнообразны. С одной стороны, оно рассматривается как источник многих проблем в развитии общества, в частности как составляющая демографического кризиса, один из главных факторов так называемой «демографической зимы» – кризисные депопуляционные процессы в странах, имеющих суженное воспроизводство населения. С другой стороны, его трактуют как величайшее достижение человечества, как проявление «тихой революции», нового феномена в истории – изменения возраста старости как стадии жизненного цикла человека, смысл которого в том, что люди стали жить дольше и полнее реализовывать отпущенный им природой жизненный потенциал.

Старение населения признано глобальным демографическим мегатрендом. По расчетам Отдела населения ООН [6], оно является определяющей тенденцией развития населения всех стран мира и одним из главных вызовов современности. Этот процесс носит необратимый характер, его нельзя остановить. Но к нему необходимо приспособиться. Глобальный масштаб проблемы сделал актуальным изучение ее на уровне регионов для выяснения особенностей трансформации возрастной структуры населения каждого из них и характера влияния этого процесса на их развитие. Так, в России с 2018 г. идет пенсионная реформа – повышается возраст выхода граждан на пенсию, и важно знать, какова старшая часть российского социума в каждой части страны.

Цель и задачи. Данная работа посвящена исследованию процесса старения сельского населения Красноярского края на протяжении последних 60 лет. Он во многом отличается от того же процесса в городах края и потому требует специального изучения. Ставится задача реконструировать и проанализировать динамику старения жителей красноярских деревень, общее и особенное в ней. Выяснить, как изменился «продукт» старения – пожилое население – за постсоветское 30-летие, чем различаются сельские «старики» в крае и России в целом, оценить демографические качества старших поколений красноярцев в разное время и на основе полученных данных сделать вывод, свидетельством чего является старение красноярской деревни – «тихой революции» в «расписании жизни» ее населения или «депопуляционной зимы».

Объектом изучения выступает пожилая часть сельского социума. В науке нет общего мнения о возрасте начала старости. Сейчас в международных сравнениях, в т. ч. ООН, к пожилым относят людей в возрасте от 65 лет и старше (65+), иногда от 60 лет (60+). В России этой границей обычно считался возраст 60 лет, но в последнее время и 65. В данной работе порогом старости избран возраст 60 лет. Он

более соответствуют ситуации в России, учитывая короткую продолжительность жизни в ней, особенно в крае. Территориальные рамки работы – сельская местность Красноярского края в современных границах.

Материалы и методы. Исследование базируется на итогах всесоюзных (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.) и всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения и текущей демографической статистике, опубликованной или представленной на сайтах Красноярскстата и Росстата [7]. Хронологические рамки исследования определены датами первой и последней переписей, поскольку лишь их результаты дают информацию о структуре населения.

Основу методологии исследования составляет теория демографической модернизации. Согласно ей, непосредственной причиной старения населения стал демографический переход от традиционного к современному типу его воспроизводства, во время которого высокий уровень рождаемости и смертности сменяется низким уровнем и того, и другого. В результате возрастная структура населения стареет: сокращается удельный вес детей из-за уменьшения числа рождений («старение снизу»), увеличивается доля старших поколений благодаря снижению смертности и росту продолжительности жизни в старших возрастах («старение сверху»). Однако возрастная структура населения России, и края в т. ч., менялась не только из-за демографического перехода, но и многих краткосрочных и долговременных внешних воздействий на нее. Они деформировали процесс старения, меняли численность поколений и обусловили волнообразность динамики возрастной структуры. При изучении особенностей процесса старения в крае использовалась предложенная М. Клуэтом концепция, основанная на теории «множественности современностей». Согласно ей, на разных территориях любое демографическое явление (в т. ч. старение населения) имеет свои особенности, вызванные географическими, политическими, социальными,

экономическими, историческими и другими факторами. От них зависит разница в скорости и интенсивности процесса, дифференциация территорий по уровню демографической старости их населения [8, с. 1]. Динамика и итоги старения населения оценивались по шкале Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета. По ней население считается молодым, пока в нем доля лиц в возрасте 60+ ниже 8 %. Преодолев эту границу, оно стареет проходя ряд этапов: две фазы преддверия старения (лица 60+ составляют 8–10 и 10–12 %), начальный уровень старости (12–14 %), средний (14–16 %), высокий (16–18 %), очень высокий (18 % и более) [9, с. 113].

В работе использовались общенаучные подходы и методы исторического исследования (логический, ретроспективный, стадийный, системный, сравнения, обобщения и проч.), демографические и статистические методы (группировки, выборки и т. д.), а также приемы визуализации данных с помощью таблиц, перевода абсолютных показателей в относительные и наоборот, перегруппировки

имевшихся данных. Статистика советского периода пересчитана в соответствии с новыми границами Красноярского края.

Результаты и их обсуждение. Население в Красноярском крае всегда было моложе, чем в России в целом. Его старение в деревнях края проявилось в конце 1950-х гг., раньше, чем в городах, но позднее, чем в сельской местности РСФСР в целом. Таблица 1 дает общее представление о динамике удельного веса трех основных возрастных групп населения (детей, взрослых и пожилых) и о трансформации возрастной структуры сельских жителей края и России в целом за последние 60 лет. Согласно переписям, доля лиц в возрасте 60+ в сельском населении края в 1959 г. составляла 8,5 %; в 1970 г. – 10,2; в 1979-м – 12,5; в 1989 г. – 14,1 % [10, с. 66; 11, с. 307]. За 60–70-е гг. деревенский социум прошел две фазы «преддверия старения», к началу 80-х достиг начального уровня демографической старости (12–14 %) и задержался на нем до распада СССР.

Таблица 1

Удельный вес основных возрастных групп сельского населения Красноярского края и РСФСР/РФ в 1959, 1989 и 2020 гг.*

Возраст, лет	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	1959	1989	2020	1959	1989	2020
0–14	36,0	27,5	19,3	32,0	25,0	17,6
15–59	55,5	58,4	56,1	57,5	56,7	58,3
60 и более	8,5	14,1	24,6	10,5	18,3	24,1
0–100 и более	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено по [19].

Красноярцы старели медленнее и отставали от среднестатистических сельчан РСФСР на целое поколение. Те перешагнули рубеж начала старости вскоре после войны, в 1959 г. лица в возрасте 60+ составляли среди них 10,5 %; в 1970 г. – 14,1, а в 1989 г. – уже 18,3 % [10, с. 36; 11, с. 66]. Из советской эпохи сельские жители России выходили «очень старыми», доля лиц в возрасте 60+ среди них перешла критическую границу 18 %. Красноярцы же только поднялись на средний

уровень старости (14–16 %). Как видно, красноярская деревня в позднем советском периоде держалась вовсе не на стариках, как во многих частях Европейской России.

После 1991 г., когда жизнь в стране резко осложнили радикальные реформы, процесс демографического старения населения тоже изменился. Его темпы в деревнях края выросли вдвое, а в среднем по сельской России они чуть снизились: за последние 30 советских лет доля

лиц в возрасте 60+ выросла среди красноярцев на 5,6 п.п., а за 30 постсоветских – на 10,5 п. п. (по российским деревням – соответственно на 7,8 и 5,8 п. п.) (см. табл. 1). Кризис 1990-х гг. придал трансформации возрастного состава населения разнонаправленный импульс. С одной стороны, рост доли старших поколений стимулировался снижением удельного веса младших и средних возрастных групп из-за падения рождаемости и миграции из деревень лиц рабочего возраста, увозивших с собой и детей. С другой стороны, этот рост тормозила резко возросшая смертность, особенно у мужчин, продолжительность жизни которых сократилась до минимума, например до 54,2 года в 1994 г., 53,6 года – в 2003 г. А вообще в деревне она уменьшилась в эти годы до 60,1 и 59,5 года соответственно [12, с. 50]. Но старение продолжалось: в 2002 г. удельный вес лиц старше 60 лет составил среди красноярцев уже 18,4 % (против 20,9 % среди сельчан РФ) [13, с. 17, 238].

Сельский социум края с начала 2000-х гг. тоже оказался на «очень высоком уровне» демографической старости. Благодаря вступлению в пожилой возраст малочисленного военного поколения 1940-х гг. удельный вес когорт 60+ в деревнях ненадолго опустился – до 17,1 % в крае и 18,4 % в РФ в 2010 г. [14, с. 16, 240]. Но с этого года стало достигать 60-летия многочисленное поколение 1950-х гг. рождения, и процесс старения активизировался. Он шел в крае по общероссийскому сценарию. С одной стороны, благодаря проводимой политике стимулирования рождаемости (в том числе введения в 2007 г. федеральной программы «Материнский капитал» и краевых программ 4Д («Дом», «Деревня», «Демография», «Дети») повышалось, хоть ненамного, число рождений и доля детей в населении. Этому помогали снижение младенческой смертности и спад интенсивности миграции из деревни. Но, с другой стороны, росла доля пожилого контингента, во-первых, из-за структурного фактора – многочисленности пополнявшего его поколения 1950-х гг., во-вторых, из-за сни-

жения смертности и роста продолжительности жизни, особенно мужчин, благодаря начавшейся в 2006 г. «негромкой» антиалкогольной кампании и развитию системы здравоохранения (нацпроекту «Здоровье» и проч.). Смертность снижалась непрерывно почти 15 лет, до пандемии Covid-19. В итоге удельный вес лиц 60+ в сельском населении края поднялся до 24,6 % в 2020 г. Красноярцы, всегда бывшие моложе, теперь достигли среднего по сельской России уровня демографической старости (24,1 % в 2020 г.) и даже чуть превысили его.

В 2020 и 2021 «ковидных» годах доля лиц в возрасте 60 лет и старше в деревнях края снизилась на 0,3 п.п. из-за роста смертности преимущественно пожилого населения. Но в 2022 г. он остановился, и доля пожилых поднялась до 24,8 % [15, с. 50].

Важно отметить, что демографические факторы старения в крае действуют слабее, чем в сельской России в целом. «Старение сверху», т.е. рост численности старших возрастов, затруднено тем, что смертность у красноярцев выше, а продолжительность жизни короче (в 1990 г. – на 2,6 года, в 2002 г. – на 3,2, в 2019 г. – на 4,3, в 2022 г. – на 5,2). Старение «снизу», т.е. сокращение числа рождений, тоже выражено слабее, так как рождаемость у красноярцев выше. В 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости у них составлял 2,85 против 2,60 в деревнях РСФСР, в 2002 г. – 1,89 (против 1,63), в 2010 г. – 2,28 (1,98), в 2020 г. – 2,12 (1,74) в 2022 г. – 2,23 (1,59) [12, с. 52, 54; 17, с. 46, 47]. Очень важным, часто решающим, фактором старения в крае выступает миграция из деревень.

Скорость старения красноярской деревни чрезвычайная. Доля детей в ней за 60 лет сократилась почти вдвое, а пожилых людей выросла втрое. К 2020-м гг. ее население стало «критически старым». Оно стареет по всем районам края, но с разной скоростью. Самый высокий удельный вес лиц в возрасте 60+ – 33,7 % жителей – в 2020 г. зафиксирован в центре края, в Большемуртинском районе,

самые низкие – в Эвенкийском (16,4 %) и Таймырском Долгано-Ненецком (10,5 %) северных районах (бывших национальных округах). На остальной сельской территории доля пожилых колебалась от 19,7 (Туруханский р-н) до 29,4 % (Козульский р-н). Как видно, внутрикраевые различия интенсивности старения населения велики: максимальный уровень втрое больше минимального, и все показатели находятся выше критической отметки 18 % [18].

Вместе с ростом численности и удельного веса старших поколений повышался средний возраст всего населения (табл. 2). Его динамика повторяла траекторию роста доли старших возрастов. В момент

распада СССР в крае сельские жители были в среднем на 1,6 года старше горожан и на 2,2 года моложе сельчан РСФСР. Затем они начали стареть быстрее всех и в 2020 г. стали на 2,4 года старше своих горожан и на 0,5 года – сельчан России. За 30 лет сельский социум края постарел на 7,2 года. Возраст жителей сельских районов колеблется в большом диапазоне. Самые старые жители – в Большемуртинском районе (44,3 года в 2020 г.), самые молодые – в Эвенкийском (35,0 лет) и Таймырском Долгано-Ненецком (31,0 год). Средний возраст на остальной территории составлял от 37,0 до 41,4 года, в т. ч. в 60 % районов он превысил 40 лет [12, с. 24–26; 17, с. 32].

Таблица 2

Динамика среднего возраста населения Красноярского края и РСФСР/РФ в 1990–2023 гг.*

Территория	1990	2002	2010	2020	2023
Красноярский край:					
деревня	33,6	36,9	38,2	40,8	41,4
город	32,0	35,5	37,3	38,4	39,1
РСФСР/РФ, деревня	35,8	37,7	38,7	40,3	40,9

*Составлено по [20].

Мерой старения населения часто выступает также «индекс старения» – соотношение количества лиц пожилого возраста (60+) и детей (0–14 лет). Его динамика соответствует описанным выше трендам. В 1959 г. в деревнях края на одного пожилого жителя приходилось по 4,23 ребенка, в 1989 г. – по 1,95. Численность пожилых и детей сравнивалась в 2015 г. [16, с. 41], а в 2020 г. на каждого «старика» было лишь по 0,78 ребенка. В сельской местности России в целом показатель сократился с 3,04 в 1959 г. до 0,73 в 2020 г. Еще недавно меньшинством в обществе везде являлись пожилые люди, а теперь им стали дети.

Перепись 2020 г. учла в красноярских деревнях 591 705 жителей, из которых в возрасте 60+ находились 146 084 чел. Это были лица, рожденные в 1960 г. и ранее. С момента последней советской переписи в 1989 г. число пожилых в деревнях края выросло на 25,2 %, тогда как все их население сократилось на 28,1 %.

Теперь пожилые составляют четверть жителей деревни, а не седьмую часть, как в конце советского периода. Пожилой контингент полностью обновился. Те, кому в 1989 г. только исполнилось 60 лет, теперь старше 90 лет и составляют среди пожилых около 1,0 % [7; 11, с. 66].

Возрастные границы пожилого контингента охватывают свыше 40 лет, входящее в него население неоднородно и дифференцируется по многим признакам, начиная с возраста. Во второй половине XX в. пожилых стали называть «населением третьего возраста» или просто «третьим возрастом», а с 90-х – делить на «третий» и «четвертый» возрасты, на «молодых стариков» (60–79 лет) и «старых стариков» (80 лет и более). Среди последних выделяются долгожители в возрасте 100 лет и старше (или старше 90 лет). Эти две группы «стариков» резко различны между собой. В красноярской деревне они представлены крайне непропорционально (табл. 3). В 2020 г., со-

гласно переписи, основную массу пожилых сельчан – 87,5 % их общей численности и 21,6 % всего населения деревни –

составляли «молодые старики». Их было 127 889 чел. [7].

Таблица 3

Удельный вес старших поколений в сельском населении Красноярского края и РФ/РСФСР в 1959, 1989 и 2020 гг.*

Возраст, лет	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	1959	1989	2020	1959	1989	2020
0–100 и более	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В т. ч.:						
60–79	7,4	12,7	21,6	9,4	15,9	20,4
80 и более	1,1	1,4	3,0	1,1	2,3	3,7
Итого 60+	8,5	14,1	24,6	10,5	18,2	24,1

*Составлена по данным таблицы 1.

Современные «молодые старики» качественно отличаются от своих ровесников в конце советского периода. В 1989 г. ими были лица, рожденные в 1909–1929 гг. и пережившие первую мировую и гражданскую войны, голод 1921 г., коллективизацию и голод начала 1930-х гг., репрессии, Великую Отечественную войну, голод 1946–1947 гг. и прочие катаклизмы века. От их поколений уцелели лишь остатки с «изломанной» половозрастной структурой.

«Молодые старики», зафиксированные переписью 2020 г., имеют совсем другую биографию. Это так называемые «бэби-бумеры» – поколения, рожденные с 1945 по 1960 гг. К «молодым» относились еще «дети войны» 1940–1944 гг. рождения, но их в группе было лишь 6,7 %. В абсолютном большинстве «молодые старики» родились и выросли в мирных условиях, не знали голода, катастроф, не получили травм, как предыдущие поколения. Конечно, нужно учитывать потери, понесенные ими в 1990-х, и главный, травмировавший их всю жизнь, фактор – высокий уровень общей смертности и мужскую сверхсмертность во взрослых поколениях. Он обусловил в них большую асимметрию полов, резко нарастающую пропорционально возрасту, и малочисленность «старых стариков». Мало кто доживал до 80, тем более до 100 лет. В 2020 г. перепись учла в крае лишь 7 столетних сельских женщин. А в 1959 г. в деревнях края (с Хакасией) было

зарегистрировано 258 чел. в возрасте 100 лет и старше, включая 71 мужчину. [7; 10, с. 66].

В группу «старых стариков» в деревнях края в 2020 г. входили 18 188 чел. Они составляли 12,5 % в общей массе пожилых и лишь 3,0 % в сельском населении. Рожденные в 1920–1940 гг. и выжившие в условиях очень высокой младенческой и детской смертности, они перенесли все испытания XX века. Не случайно их осталось так мало, особенно мужчин.

Типичной чертой стареющих обществ является то, что стареет не только все население, но и сам пожилой контингент. В нем растет доля «старых стариков», происходит «углубление» демографического старения. Этот процесс выступает важной характеристикой демографического качества населения и его благосостояния, так как является результатом улучшения здоровья в старших возрастах благодаря успехам медицины, снижению смертности и росту продолжительности жизни. В развитых странах смертность тех, кому за 80, стала снижаться быстрее, чем в молодых когортах, еще с 1960-х гг. В деревнях края эта тенденция долго была обратной из-за очень высокой и продолжавшей расти смертности. Пожилой контингент «молодел»: в 1959 г. лица в возрасте 80+ составляли в нем 12,5 %, в 1989 г. – 10,1 %, в 2002 г. – 8,9 %. И лишь с началом снижения в 2006 г. смертности появились признаки «углубления» демо-

графического старения. Доля «старых стариков» к 2020 г. «вернулась» на уровень 1959 г. [7; 10, с. 66; 11, с. 37].

Удельный вес лиц 80+ вырос в сельском населении края с 1,1 % в 1959 г. до 3,0 % в 2020 г., России – с 1,1 до 3,7 % (табл. 3). Это крайне низкий, особенно в крае, показатель. В большинстве стран Европы он составляет более 7 %.

Для населения практически всех стран мира характерно преобладание в старших возрастах женщин. В России, особенно в ее сельской части, во второй половине XX в. асимметрия полов была очень глубокой, прежде всего, из-за потерь в недавней войне, но в деревнях края – существенно меньшей (табл. 4). В последующем она везде выравнивалась с уходом из жизни травмированных старших поколений, однако слишком медленно, так как сохранялась и часто росла мужская сверхсмертность во взрослом населении. Картина изменилась в постсоветском 30-летию. Половой

дисбаланс в сельском населении продолжал сокращаться всюду, но в крае меньше, чем в стране в целом. В результате показатели не просто сблизились. У красноярцев дисбаланс во всех возрастных когортах, кроме 70-летних, стал глубже, чем у их ровесников в деревнях России. В крае в 2020 г. на одного мужчину в возрасте 70–74 года в среднем приходилось по полторы женщины, в возрасте 75–79 лет – по две. Среди «старых стариков» женщины составляли подавляющее большинство: в возрасте 80–84 года их было почти втрое больше, чем мужчин, 95–99 лет – практически в 10 раз [7]. Причем эти поколения уже не гибли, как предыдущие, на фронтах Великой Отечественной войны. В плане выравнивания соотношения полов за 60 лет был, безусловно, достигнут прогресс. Но их дисбаланс все еще огромный, так как разница в уровне смертности мужчин и женщин в России несоизмерно велика.

Таблица 4

Соотношение полов в старших поколениях сельского населения Красноярского края и РСФСР/РФ в 1959, 1989 и 2020 гг.*

Возраст, лет**	Число женщин на 1000 мужчин, чел.					
	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	1959	1989	2020	1959	1989	2020
0-100 и более	1140	990	1068	1257	1125	1070
Из них:						
60-64	1725	1477	1163	2116	1630	1157
65-69		1999	1307		2344	1302
70-74	1845	2408	1503	2213	2914	1536
75-79		2763	1931		3396	2031
80-84	1972	3610	2833	2450	4117	2707
85 и более	2572	5483	3754	3347	5556	3590

*Составлена по данным таблицы 1.

** За 1959 г. – когорты 60–69, 70–79 лет.

Демографические последствия процесса старения населения принято оценивать с экономической точки зрения: сокращается трудоспособная часть населения, растет число «старых иждивенцев», а с ними – шлейф проблем. Более точное представление об этих вызовах для общества и государства дают тенден-

ции изменения соотношения численности поколений, находящихся в трудоспособном и нетрудоспособных возрастах (табл. 5). Они характеризуются «коэффициентами демографической нагрузки». В 1959 г. основную «тяжесть» давала нагрузка детьми, на 1000 чел. рабочих возрастов в красноярских деревнях при-

ходило 698 детей от 0 до 15 лет и 206 лиц старше трудоспособного возраста. В 2020 г. в новых границах (мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины – 16–55 лет) соотношение стало иным – 384 ре-

бенка и 492 «старика». В сельской местности РФ в целом в 1959 г. на 1000 трудоспособных приходилось 613 детей и 252 «старика», в 2020 г. – 335 и 459 чел. соответственно.

Таблица 5

Структура сельского населения Красноярского края и РСФСР/РФ по признаку трудоспособности в 1959, 1989 и 2020 гг., %*

Возрастная группа**	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	1959	1989	2020	1959	1989	2020
I	36,7	28,2	20,5	32,9	26,4	18,7
II	52,5	54,5	53,3	53,6	51,5	55,7
III	10,8	17,3	26,2	13,5	22,1	25,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлена по данным таблицы 1.

**I – моложе трудоспособного (0–15 лет); II – трудоспособный (16–54(59) лет); III – старше трудоспособного (55(60) лет и более)

Обратное соотношение, так называемый «коэффициент потенциальной поддержки», снизилось в деревнях края с 4,86 чел. трудоспособного возраста на 1 чел. старше трудоспособного возраста в 1959 г. до 3,15 чел. в 1989 г. и до 2,03 чел. в 2020 г. Иначе говоря, в крае в 1959 г. одного пожилого «иждивенца» «кормили» 4,86, а в 2020 г. – 2,03 чел. В целом по сельской России число «кормильцев» сократилось за эти годы с 3,97 до 2,18 чел. Таким образом, «коэффициент поддержки» уменьшился в деревнях края в 2,4 раза, России – в 1,8. Это соотношение, темпы и характер его изменения – главный аргумент, положенный в основу идущей в стране пенсионной реформы.

Заключение. Проведенный ретроспективный анализ показал, что возрастная структура сельского населения в крае, как и в России в целом изменялась по единому общемировому вектору в сторону роста удельного веса пожилых людей. Процесс шел устойчиво, но в нем были периоды замедления роста, стабилизации и даже снижения показателя в соответствии с движением демографических волн. Он прошел общие для всех фазы демографического старения, но краевые показатели (его начала, темпов прохождения одинаковых фаз, интенсивности роста числа пожилых людей и т. д.) количественно отличались от тех же

показателей в общероссийском процессе, так же как и влиявшие на них внешние факторы. Постарение радикально изменило возрастную структуру сельского социума края. Утроение в нем за 60 лет удельного веса пожилых и двукратное снижение доли детей трансформировало всю жизнь деревни. Но сами пожилые сельчане – «продукт старения» – изменились лишь количественно, качественных демографических перемен в их контингенте почти не видно. Соотношение удельного веса «молодых стариков» и «старых» осталось прежним, асимметрия полов уменьшилась, но не радикально. Итоги анализа дают основание считать, что характер старения красноярской деревни сделал этот процесс фактором «демографической зимы», а не проявлением «тихой революции» – нового феномена в развитии деревни, изменения возраста старости как стадии жизненного цикла ее жителей. Иного «расписания жизненных циклов» у них не появилось. Продолжительность их жизни только в 2018–2019 гг. достигала уровня, который был на рубеже 1950–1960-х гг. – около 68,0 лет. Все остальные годы она была короче. Шансов на длинную жизнь у сельчан не прибавилось. Долгожительство стало еще более редким событием. Доля «старых стариков» в деревнях края ничтожно мала.

Старение населения влияет на все стороны жизни общества. Для предотвращения негативных последствий нужен постоянный мониторинг ситуации. Лишь планомерное изучение процесса на краевом уровне позволит вовремя оценивать

масштабы и перспективы старения красноярцев, формировать механизмы устойчивого социально-экономического развития края, вырабатывать меры адаптации всех сфер общественной жизни к новой структуре населения.

Список источников

1. Вишневский А.Г. Похвала старению // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/pohvala-stareniyu.html> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Денисенко М.Б. Тихая революция // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/tihaya-revoljucziya.html> (дата обращения: 11.09.2025).
3. Сафарова, Г.Л. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/demograficheskie-aspekty-stareniya-naseleniya-rossii.html> (дата обращения: 10.10.2025)
4. Барсуков, В. Н. Анализ региональной дифференциации демографического старения // Вопросы территориального развития. 2015. № 4 (24). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4895> (дата обращения: 10.20.2025).
5. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 6. С. 89–103.
6. Щербакова Е.М. Старение населения мира по оценкам ООН 2022 года // Демоскоп Weekly. 2022. № 975-976. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0975/barom01.php> (дата обращения: 10.10.2025)
7. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
8. Клупт М.А. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 34–56.
9. Пирожков С.И. Демографическое старение // Народонаселение: энциклопедический словарь. М.: БСЭ, 1994. 640 с.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. Пол, возраст и состояние в браке населения краев и областей. М.: ИИЦ, 1972. Ч. 1. 420 с.
11. Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1990. 373 с.
12. Демографический ежегодник Красноярского края. 2023. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 210 с.
13. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т. М.: Статистика России, 2004. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. 416 с.
14. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М.: Статистика России, 2012. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. 489 с.
15. Красноярский краевой статистический ежегодник. 2023. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 463 с.
16. Красноярский краевой статистический ежегодник. 2020. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 519 с.
17. Демографический ежегодник России. 2023. Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с.
18. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270> (дата обращения: 10.10.2025).

19. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. Пол, возраст и состояние в браке населения краев и областей. М.: ИИЦ, 1972. Ч. 1, с. 36, 66; Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1990. С. 66, 307; Данные за 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11.09.2025).

20. Демографический ежегодник Красноярского края. 2023. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023, с. 24; Демографический ежегодник России. 2023. Стат. сб. / Росстат. М., 2023, с. 32.

References

1. Vishnevskij A.G. Pohvala stareniju // Otechestvennye zapiski. 2005. № 3 (24). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/pohvala-stareniju.html> (date of access: 11.08.2025).

2. Denisenko M.B. Tihaya revolyuciya // Otechestvennye zapiski. 2005. № 3 (24). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/tihaya-revoljucziya.html> (date of access: 11.09.2025).

3. Safarova, G.L. Demograficheskie aspekty starenija naseleniya Rossii // Otechestvennye zapiski. 2005. № 3 (24). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/demograficheskie-aspekty-starenija-naseleniya-rossii.html> (date of access: 10.10.2025)

4. Barsukov, V. N. Analiz regional'noj differenciacii demograficheskogo starenija // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2015. № 4 (24). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4895> (date of access: 10.20.2025).

5. Dobrohleb V.G., Barsukov V.N. Demograficheskie teorii i regional'nyj aspekt starenija naseleniya // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2017. Т. 10, № 6. S. 89–103.

6. SHCHerbakova E.M. Starenie naseleniya mira po ocenkam OON 2022 goda // Demoskop Weekly. 2022. № 975-976. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0975/barom01.php> (date of access: 10.10.2025)

7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.gks.ru> (date of access: 10.10.2025).

8. Klupt M.A. Paradigmy i oppozicii sovremennoj demografii // Demograficheskoe obozrenie. 2014. № 1. С. 34–56.

9. Pirozhkov S.I. Demograficheskoe starenie // Narodonaselenie: enciklopedicheskij slovar'. М.: BSE, 1994. 640 s.

10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. Пол, возраст и состояние в браке населения краев и областей. М.: ИИЦ, 1972. Ч. 1. 420 s.

11. Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: РИИЦ, 1990. 373 s.

12. Демографический ежегодник Красноярского края. 2023. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 210 s.

13. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т. М.: Статистика России, 2004. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. 416 s.

14. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М.: Статистика России, 2012. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. 489 s.

15. Красноярский краевой статистический ежегодник. 2023. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 463 s.

16. Красноярский краевой статистический ежегодник. 2020. Стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. 519 s.

17. Демографический ежегодник России. 2023. Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 s.

18. EMISS. Gosudarstvennaya statistika. URL: [https://www.fedstat.ru/ indicator/31270](https://www.fedstat.ru/indicator/31270) (date of access: 10.10.2025).

19. Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1970 goda. T. 2. Pol, vozrast i sostoyanie v brake naseleniya kraev i oblastej. M.: IIC, 1972. Ch. 1, s. 36, 66; Vozrastnoj sostav naseleniya RSFSR: po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. M.: RIIC, 1990. S. 66, 307; Dannye za 2020 g. // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.gks.ru> (date of access: 11.09.2025).

20. Demograficheskij ezhegodnik Krasnoyarskogo kraja. 2023. Stat. sb. / Krasnoyarskstat. Krasnoyarsk, 2023, s. 24; Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2023. Stat. sb. /Rosstat. M., 2023, s. 32.

Статья принята к публикации 16.02.2026 /
The article has been accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе:

Людмила Николаевна Славина, профессор кафедры «Отечественной истории», доктор исторических наук, профессор

Information about the authors:

Lyudmila Nikolaevna Slavina, Professor, Department of Russian History, Doctor of Historical Sciences, Professor

